

Культура. — 2001. — 27 сент. — 3 окт. — с. 10

Всем спасибо, причем большое!

Кобборг и Малахов выступили в спектаклях ГАБТа

В балетах эпохи романтизма на сцене Большого выступили еще две из триады приглашенных к нам зарубежных звезд: работающий в Лондоне датчанин Йохан Кобборг исполнил партию Джеймса в датской бурновилевской "Сильфиде", наш бывший соотечественник, ныне премьер с громким международным именем Владимир Малахов — принца Альберта в русско-французской "Жизели". Они станцевали по два спектакля, хотя, на мой взгляд и вкус, сама "драматургия" их выступлений могла быть "срезжиссирована" занимательнее.

Неплохо бы каждому из приглашенных артистов станцевать по "Сильфиде" и "Жизели", что придавало бы гастролям интригующую многогранность. При том, что на данном этапе Джеймс в "Сильфиде", очевидно, — одна из лучших партий Малахова, у которого всегда была блестящая мелкая техника, координация, прыжок и точная, изящная работа стоп. Год назад малаховский Джеймс заметно выделялся среди других партий (когда я имела возможность следить за серией его выступлений в разных спектаклях во время нью-йоркского сезона Американского балетного театра). А британская балетная пресса восторженно писала о выступлении Кобборга в партии Альберта в паре с миниатюрной лауреаткой одного из московских конкурсов Алиной Кожокару. Но это — из области пожеланий...

Хотя датский солист танцевал с детства знакомую бурновилевскую хореографию, а работающий в западной манере русский — род-

ную русскую, оба гастролера значительно скорректировали наши очень танцевальные и технически насыщенные редакции романтических балетов. Они купировали некоторые сольные фрагменты, местами упростили хореографический текст. Словом, пришли со своим уставом в чужой монастырь, не всегда считаясь с установками творческой этики, хотя, подписав контракт, по моему разумению, они согласились танцевать именно московские варианты. Так поступил Кобборг во втором действии "Сильфиды", из которой заодно почему-то испарилась целая игровая мизансцена, правда, не имеющая прямого отношения к его герою. Гастрольный спектакль показался до предела укороченным и каким-то куцым. Малахов же в "Жизели" отказался от труднейших "вставок", осуществленных Владимиром Васильевым в партию Альберта в первом действии балета, а также от виртуозно-бурного финала, когда все наши принцы "опоясывают" сцену в стремительных шене и же-

те ан турнан... Под ту же музыку малаховский герой меланхолично разбрасывал лилии, медленно удаляясь от могилы Жизели. К тому же он упростил вторую часть знаменитой мужской вариации. За подобные "пассажи" наших солистов "сожрали" бы живьем и педагоги, и пресса, и любители балета. Но неписаный кодекс русского гостеприимства велит лишь поблагодарить приглашенных...

В лучших традициях датской бурновилевской школы выучен Йохан Кобборг. У него филигранная работа стоп — любо-дорого смотреть — и сильный толчковый прыжок. Благодаря правильной постановке корпуса и бедер надежное партерное и воздушное вращение и вправо, и влево — не съезды! Хотя даже у него двойные туры в воздухе из пятой позиции в пятую порой выглядели скомканными. Строго по канонам собраны руки. Он с легкостью "выделяет" все тончайшие петельки кружевной хореографии мужской партии "Сильфиды", которая очень продумана, драматургически выстроена и логична. Кобборг не идеализирует, не романтизирует героя. Его Джеймс — натура цельная. Такой обаятельный простой деревенский парень, любящий невесту, готовящийся к свадьбе. Вторжение фантастической Сильфиды в его жизнь этого Джеймса скорее пугает, чем радует. Сильфида, словно фантом, увлекает за собой героя, который вплотную до трагической развязки балета все пытается как-

то совместить уют повседневной жизни с лукавыми проявлениями слишком тонкого для него мира...

По окончании Московского хореографического училища, еще будучи в Москве, Владимир Малахов станцевал партию Альберта в "Жизели". Воздушно, изящно, музыкально, точно. Еще тогда его поклонники ходили смотреть прежде всего на изумительные танцы этого премьер-инструменталиста. Впрочем, и в юности он был замечательным актером, но далеко не в романтическом репертуаре. До сих пор отлично помню и его Присыпкина (миниатюра, основанная на пьесе "Клоп" Маяковского), и чудака Гамаша, которого специально для него в своем "Дон Кихоте" сочинили Наталия Касаткина и Владимир Василев. С бесшабашными пародиями он лихо выступал в капустниках и гала-концертах. Всегда был смешливым, отзывчивым и добрым. Огромной несправедливостью было то, что тогда его не пригласили в Большой. Но Бог ведает, что творит, — за прошедшие с его отъезда десять лет Малахов стал звездой с международной репутацией. И только сейчас состоялся его столь обидно запоздалый дебют на сцене Большого. Понимаю, как волновался танцовщик, за последнее десятилетие привыкший к преимущественно небольшому заднему сцену. Они невольно вырабатывают собранную, экономную, стилистически выдержанную манеру танца. А тут — необъятные просторы сцены Большого, которые надо с ходу "обжить", которые нещадно "пожирают" физические силы...

Совершенно разными показались две малаховские "Жизели", которые он станцевал в паре со Светланой Лунькиной, притом без малейшей претензии сыграть "принца". Хотя танцовщиком четко выстроена и проработана мизансценическая драматургия действия, где немало интересных находок и точных деталей, очевидно, он каждый раз что-то варьирует и меняет. Наивные "детские забавы на лужайке" преобладали в пейзажных сценах первого спектакля. Малаховский герой был естественным, светлым, игривым, очень внимательным и нежным с партнершей. Зато мрачновато-сдержанным во втором с нотками отчаяния и истерии в финальных сценах после сумасшествия и смерти Жизели. Во втором "ночном" акте этот "моцартовский танцовщик" был прежде всего внимательнейшим кавалером в безупречных по чистоте танцевальных линий дуэтах, сумел придать воздушность и полетность танцу дамы. Он продемонстрировал стремительнейшие повторные диагонали вдоль шеренги вилис, которые когда-то идеально делал, и, кажется, первым ввел в этот балет Михаил Барышников. Лабильными были более чем скромные малаховские партнерские вращения, просчеты в которых он удачно актерски обыграл, точными и ловкими воздушные туры в пятую позицию. Невысокими его финальные кабриолы...

Мы привыкли к более интенсивной и выразительной театральной подаче хореографического материала второго действия, эмоциональной наполненности каждого па. Наш мужской состав — серьезная конкуренция любому гастролеру. Это наглядно подтвердили и сентябрьские "визиты" зарубежных гостей, после которых, думаю, мы начнем повнимательнее относиться к собственным артистам (хотя, кому дано, с того и спрос строже). Ведь Большой театр, по сути, пригласил — на нынешний день — лучших из лучших. Пока что не появлялись разве что и опытные, и юные парижские принцы, приезд которых, надеюсь, не за горами.

Вверху: В.Малахов в спектакле "Жизель".
Внизу: Й.Кобборг в спектакле "Сильфида"

Фото И.ЗАХАРКИНА